

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080012653-5

ИСТОРИК ВОСТОКА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
РАБОТЫ В.В. СТРУВЕ И СОВЕЩАНИЕ В ООН АН СССР В ИЮЛЕ 1936 г.¹

© 2020

М.Д. БУХАРИН^a, С.Б. КРИХ^b^a – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3590-016X; michabucha@gmail.com^b – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8220-9956; krikh@rambler.ru

Резюме: История советского востоковедения в значительной степени отражает особенности истории советской науки и истории СССР в целом. Это обстоятельство связано с тем, что именно историкам древнего Востока в значительной выпала участь обосновать единство всемирно-исторического процесса с точки зрения ленинского понимания марксистской теории. Центральную роль в этом процессе играл В.В. Струве, с одной стороны стремившийся обосновать типологическое единство исторических процессов на древнем Востоке и в античном мире, с другой стороны, сохранявший готовность к определенным компромиссам.

В середине 1930-х годов руководство СССР организует нажим на историческую науку, требуя осуществления тотального перехода на рельсы правильного марксистского понимания исторических процессов. Государство запускает кампанию по переделке и написанию новых учебников, новых обобщающих работ – Истории СССР и Всемирной истории. Востоковедение и конкретно В.В. Струве должны были обеспечить идеологическую чистоту новых пособий. В июле 1936 г. в Отделении общественных наук (ООН) АН СССР состоялось совещание, на котором представители государственной власти в лице К.Б. Радека требовали унификации востоковедного дискурса. Совещание фактически вышло за пределы частных проблем, поставленных перед ним и свелось к вопросам отношений между историками и идеологической линией ВКП(б) в период «большого террора». Опираясь на архивные документы и учитывая научный и политический контекст, авторы показывают, какие мотивы руководили действиями как представителей партийной элиты, так и науки, по-разному понимавших в середине 1930-х гг., как и в чем должен выражаться марксистский характер советской науки. На примере обсуждения теоретической «чистоты» научного творчества академика В.В. Струве авторы показывают, что линия на создание полностью зависимой от государства академической структуры не была вполне реализована, и даже в период сильного внешнего давления общественные науки смогли остаться в полуавтономном состоянии.

Ключевые слова: история Древнего Востока, история востоковедения, архивы, академия наук СССР, история СССР.

Для цитирования: Бухарин М.Д., Крих С.Б. Историк Востока в эпоху перемен: работы В.В. Струве и совещание в ООН АН СССР в июле 1936 г. *Восток (Oriens)*. 2020. № 6. С. 196–206. DOI: 10.31857/S086919080012653-5

¹ Исследование С.Б. Криха выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

HISTORIAN OF THE ORIENT IN AN ERA OF CHANGE: WORKS OF V.V. STRUVE AND THE SESSION OF THE DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF USSR IN JULY 1936

© 2020

Mikhail D. BUKHARIN^a, Sergey B. KRIKH^b

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3590-016X; michabucha@gmail.com

^b – F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
ORCID: 0000-0001-8220-9956; krikh@rambler.ru

Abstract: *Historians of the ancient Orient had significant fate to justify the unity of the world-historical process from the point of view of the Leninist understanding of Marxist theory. The central role in this process was played by V.V. Struve, he was then attributed to the “old” scholars who switched to Marxism. In the mid-1930s the leadership of the USSR strongly pressed on historical scholarship, demanding total transition to the tracks of exclusively Marxist understanding of historical processes. Oriental studies, and personally V.V. Struve, were to ensure the ideological purity of the new texts such as ancient history textbooks for schools and universities. In July 1936, the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of the USSR held a meeting where representatives of the state power (K.B. Radek) demanded the unification of the Oriental discourse. Basing on archival documents and taking into account the scientific and political context, the authors show what motives guided the actions of both representatives of the party elite and scholarship, divided in the mid-1930s in estimates of how much Marxist Soviet scholarship should be. On the example of discussing the theoretical “purity” of the scientific activity of academician V.V. Struve, the authors reveal that the line to create a fully state-dependent academic structure was not quite realized, and even during the period of strong external pressure the social sciences were able to remain in a semi-autonomous state. In fact, the demand for exceptional ideological “purity” of texts turned out to be not so relevant at that time, as Radek (whose political position was unstable) thought, and Stalinist historiography was formed in the parameters of the external Marxization for the “old” historians.*

Keywords: history of the Ancient Orient, history of Oriental studies, archives, Academy of Sciences of the USSR, history of the USSR

For citation: Bukharin M.D., Krikh S.B. Historian of the Orient in an Era of Change: Works of V.V. Struve and the Session of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of USSR in July 1936. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 6. Pp. 196–206. DOI: 10.31857/S086919080012653-5

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Несколько лет назад один из исследователей советской историографии [Ладынин, 2016, с. 9–32] задался вопросом: «Насколько марксистской была советская наука о древности?». Таким образом была сформулирована интересная и сложная проблема, которая в том или ином виде стабильно обсуждается в научной периодической печати и на профильных конференциях по истории науки. Очевидно, что ответы на этот вопрос могут не просто различаться, но и находиться в разных областях: от философско-методологической до конкретно-фактологической, а хронологические границы могут касаться как отдельного этапа, так и всего советского периода в целом – и при каждом изменении исследовательской техники проблема будет открываться нам с различных сторон.

Между тем, рассмотрение частных вопросов из области историографии востоковедения середины 1930-х годов неизбежно выходит на более широкие обобщения, касающиеся истории советской науки и СССР в целом. Архивные собрания содержат многочисленные документы, не введенные в научный оборот, изучение которых позволит значительно расширить собственно научный контекст проблемы. Этот контекст можно было бы обозначить через выражение «историк и власть», ставшее штампом, но в таком случае следует принять во внимание различие научных и общественных позиций представителей научного сообщества, а власть в каждом конкретном случае представляют также различные действующие лица с собственным уникальным жизненным опытом и политической карьерой. Только при учете этих деталей мы можем выйти к более или менее обоснованным обобщениям.

В.В. СТРУВЕ: НАУЧНАЯ КАРЬЕРА К 1936 г.

Решающую роль в формировании концепции рабовладельческой формации как определяющей всю историю древности сыграл академик В.В. Струве. Литература о Струве обширна, в настоящее время изучены различные аспекты его творчества, включая и ранний этап научной деятельности [Большаков, 2000, с. 41–52; Емельянов, 2016, с. 136–151; Крих, 2016, с. 46–72; Бухарин, 2019, с. 1440–1458; Ладынин 2019, с. 251–267]. Если в досоветской и в ранней советской науке преобладало мнение, согласно которому древневосточные общества, в отличие от античных, были феодальными, а основным эксплуатируемым классом в них следует считать зависимых земледельцев (крестьян), то после доклада Струве 1933 г. [Струве, 1934(5), с. 32–111] в течение нескольких лет происходит признание подавляющим большинством советских историков единства формационной принадлежности античных и восточных обществ.

До того колебавшийся между разными пониманиями общества Востока в рамках марксистской теории (в «Характеристике профессора В.В. Струве, данной Академией историко-материальной культуры, при выдвижении его в действительные члены АН СССР. 1934 г.» указывалось, что осваивать марксизм Струве начал в 1929 г. [АРАН, ф. Р-V, оп. 1, д. 3, л. 1]), с конца 1932 г. Струве уже надежно стоит на «рабовладельческой» позиции [Крих, 2017, с. 778–795] и активно публикует работы для ее подтверждения – часто повторяющие одни и те же сюжеты, но, тем не менее, вводящие в научный оборот конкретный материал по истории шумерского (решающий пример был связан с анализом категорий работников царских хозяйств периода III династии Ура [Струве, 1934(6), с. 495–507]), египетского [Струве, 1935, с. 3–38], хеттского [Струве, 1934(4)] обществ. Фактически с 1934 г. идет работа над созданием учебника по истории древнего Востока: сначала в 1934 г. появляется «Краткий курс» Струве, записанный его студентами [Струве, 1934(3)], в итоге, после ряда промежуточных версий, появится изданный уже в 1941 г., с привлечением соавторов, учебник для вузов [Струве, 1941].

На 1930-е гг. приходится пик научной и преподавательской активности Струве [См. подробное обоснование: Крих, 2015, с. 241–273]. Это время, когда он, не склонный к открытым конфликтам, активно включается в полемику: отвечая на критику во время обсуждения доклада (наиболее ярким противником был И.М. Лурье [Лурье, 1934, с. 112–123]) или в периодической печати (возражая Н.М. Никольскому [Никольский, 1934(1), с. 207–210; Никольский, 1934(2), с. 3–11; Струве, 1934(2), с. 211–222]). Струве вошел также в состав коллектива по переписыванию изначально созданного Никольским учебника по древней истории для школ, что станет отдельным очагом конфликта [Малюгин, 2017, с. 406–420].

В 1935 г. Струве избран академиком, а Никольский начинает отступать со своих прежних позиций. При доработке школьного учебника при некоторых компромиссах побеждают те формулировки, которые были ближе к позиции Струве (основной вклад в переделку учебника

внес, судя по всему, А.В. Мишулин, который также стоял на точке зрения единой рабовладельческой формации); с его участием в 1935 и в 1936 гг. переиздается (с небольшими изменениями) «История древнего Востока» Б.А. Тураева (1868–1920) [Тураев, 1935–1936] – в советской традиции именно Струве выступает в качестве первого ученика ведущего русского востоковеда.

Все эти факты в совокупности наводили исследователей на мысль, что Струве становится к середине 1930-х годов более чем влиятельной фигурой, поддерживаемой представителями советской партийной верхушки, курирующей науку и образование, и, соответственно, его научные взгляды в значительной степени отражают тот самый «социальный заказ» – что, конечно, переводится с советского как заказ от руководства [Формозов, 2006]. Ниже приводится документ, который позволяет увидеть, что вопрос об идеологическом наполнении советской исторической науки в целом и востоковедения в частности выглядел далеко не так однозначно.

ГОСУДАРСТВО И АКАДЕМИЯ НАУК: СПОР О СТРУВЕ

Вполне вероятно, что внимание государства к научной работе Отделения общественных наук Академии наук СССР усилилось после в целом неудачного первого раунда работы по созданию учебников для средней школы. Еще 8 марта 1934 г. нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов провел совещание с историками по вопросу «о стабильном учебнике» (*ГАРФ*, ф. А-2306, оп. 69, д. 2177, л. 1–35. Правленая стенограмма), на котором рассуждал о необходимости не только получить хорошие учебники по истории для каждого класса, лишённые схематизма и насыщенные фактами (этот тезис повторял логику принятого руководством постановления о преподавании истории в школе), но и был готов к тому, чтобы существовало несколько конкурирующих групп при написании учебников: «...мы все больше и больше приходим к выводу, что нам нужно обязательно иметь параллельные учебники... Если мы имеем один учебник, то, во всяком случае, мы известным образом находимся в руках монополиста. Если бы мы имели два учебника, мы могли бы скорее сделать вывод. Тут и элемент соревнования. Потом иное дело, когда работают над учебником два человека или две группы людей, и иное дело, когда работает один человек, а другая группа людей смотрит и занимается критикой со стороны». Не исключено, что Бубнов даже был готов издавать сразу два учебника по различным историческим периодам, включая историю древнего мира.

Но уже менее чем через два года стало ясно, что конкурирующих групп, которые писали бы параллельные учебники, по большинству периодов не будет – даже работа по правке одного учебника для каждого периода шла с большим трудом [о такой работе по отечественной истории см. Дубровский, 2017, с. 139–250]. Авторам учебников было так трудно работать потому, что никакого идеологически выверенного описания мировой истории советская наука к тому времени не создала. Поэтому появление академических изданий – многотомной истории СССР и «Всемирной истории», которые могли бы дать нужные ориентиры – казалось столь насущной задачей.

В июле 1936 г. в Отделении общественных наук АН СССР под председательством К.Б. Радека (1885–1939) состоялось совещание по плану Института истории АН СССР. Часть этого совещания была посвящена вопросу о научных кадрах для создания марксистской истории, а именно многотомного труда, который был бы отчасти подобен учебнику для взрослых (поэтому Радек и упоминал о требованиях к школьному учебнику). Обсуждающие ссылались также на работы В.В. Струве 1931–1932 гг. [Струве, 1934(1), 93–99] и издание «Истории древнего мира» [Ковалев, 1937], выходявшее под эгидой ГАИМК и практически сразу же признанное неудовлетворительным. Плюсы стенограмм того периода заключаются в том, что они отличались подробностью в передаче речи выступавших: это позволяет увидеть стилистические ее особенности и заметить те важные детали, которые могли быть

замаскированы в том случае, если бы выступления излагались более тезисно. Ниже мы приводим пространную выдержку из стенограммы (с незначительными изъятиями), чтобы читатель мог сам увидеть ход рассуждений участников, вынеся комментарии и анализ в отдельную часть статьи. Основное содержание беседы, отчасти неожиданно для самих участников, перешло на вопрос о теоретической чистоте одного из основных советских историков древности в тот период.

«[127] Радек: Я знаю востоковедов. Я знаю, что главные работы, которые люди писали, показывают, что люди мало знают...

Возьмем историю древнего Востока. Если будет просматривать Деборин, наверное, он не знает ничего по истории Востока. Он прочтет рукопись, но не может дать оценки по существу. Как же мы могли бы организовать работы, если нет во всем институте ни одного серьезного марксиста? У нас такое положение. Мы выбираем темы, и по каждой теме созываем чуть не специальную конференцию, совещание [128]... Тов. Сталин говорит, что в учебнике мы не должны давать ни одного слова, которое не было бы проверено...

Кипарисов: ...Я глубоко уважаю академика Струве, но я читал его две вещи. Я читал одну вещь, где он с пеной у рта защищал азиатский способ производства, и читал такую вещь, где он защищал обратное. Что это означает? Это означает, что человек не остановился на чем-то твердо. Ему нужна товарищеская помощь, а не то, что он со слабой незрелой вещью выскочит, чтобы понизить его авторитет.

[129] Академик Волгин: Если принять программу тов. Радека, то мы должны на неопределенное количество лет закрыть лавочку.

Радек: Почему?

Волгин: Потому что мы не сможем, во-первых, определить: мне вообще странно представить себе, что такое законченный или незаконченный марксист. Например, историк Египта Древнего или Переднего Востока и т.д. Я совершенно уверен, что даже то, что будет признано весьма широким кругом товарищей, с марксистской точки зрения совершенно удовлетворительным в 1937 г., в 1945 г. будет уже считаться давно пройденной ступенью, будет подвергаться самой жесткой критике. Так развивается наука, тов. Радек, как Вы это прекрасно знаете... Пусть ее критикуют, пусть там будут потом разные рецензии по отдельным пунктам. Все-таки, когда нас критикуют, иногда умно, иногда глупо, но критика вещь необходимая, а совершенства, абсолютной вещи не существует...

Радек: Вы неверно принципиально говорите. Почему мы должны сказать априори, что невозможно создать марксистскую историю Египта? Почему мы должны стать на точку зрения какого-то агностицизма? Из того, что наука развивается, вытекает только одно, что если напишет немарксист профессор Струве работу, которая [130] будет ценным этапом, то пусть издаст ее СОЦЭКГИЗ эту книгу академика Струве, которая не только не является досконально марксистская, но является досконально немарксистской – априори, я в этом убежден...

Кипарисов: Эта серия называется «История древнего мира».

Иоселиани: Тут недоразумение оттого, что соединили это с исходной темой т. Лукина. Он говорил, что это делается в отношении XIX века, а мы – в отношении древней истории. Мы, собственно, говорим сейчас о плане той и другой серий. Пока еще ни одна тема не написана, и мы не знаем, во что это выльется...

[131] Деборин: ... Академия наук и Институт истории АН ставят сейчас перед собой задачу – создать в течение [132] ряда лет – пяти-десяти, может быть, пятнадцати лет – «мировую историю», с одной стороны, а в течение более короткого времени создать марксистскую историю СССР. Вот та задача, которая стоит перед нами... Вы правы, когда говорите, что на каждом данном этапе, Вы полагаете, нет абсолютно законченной истории. Это правильно, и максимум то, что мы можем на нынешнем уровне развития нашей марксистской науки

создать, это создать марксистскую мировую историю и марксистскую историю науки СССР. Это не значит, что через пятнадцать лет мы не будем это критиковать. Естественно, что т. Радек, – и я с ним согласен, – подходит чрезвычайно осторожно к тем работам, о которых говорит т. Кипарисов...

Радек: Я прочитал в учебнике для средней школы эту часть по древней истории Востока. И там не пахнет марксизмом.

Деборин: Позиция Струве колеблется между двумя концепциями.

Радек: Быть может, это лучше.

Деборин: Я прочел два тома Тураева, которые он (Имеется в виду В.В. Струве – М.Б., С.К.) [издал] с дополнениями, – и вижу, что это дело не совсем благополучно.

Кипарисов: Это не стоило бы выпускать. Но Тураев и Струве – это две вещи разные.

Деборин: Но там есть дополнения и примечания, которые Струве делает от себя, – они тоже неудовлетворительны...» [АРАН, ф. 394, оп. 1–1936, д. 1, л. 127–131].

ПАРТИЙНЫЕ ЛИДЕРЫ В 1936 г.: РУКОВОДЯЩИЕ И ОБРЕЧЕННЫЕ

Рассмотрим ход совещания с точки зрения историй его участников. Судьбы некоторых уже висели на волоске, даже если они не догадывались об этом – так, до ареста К.Б. Радека оставалось два месяца. Тучи сгустились над ним уже давно: в официальных партийных документах начала февраля 1936 г., например, в «Справке о ходе выполнения решения ПБ ЦК от 7/II-1936 г. Об установлении структуры Отделения общественных наук Академии наук СССР и укреплении научными кадрами институтов» посвященных регулированию научной политики, Радек квалифицировался как член «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды», который должен быть отстранен от деятельности Института истории АН СССР [Есаков, 2000, с. 224].

С другой стороны, очевидно, что решение о судьбе самого Радека в феврале 1936 г. еще не было принято. После покаянной кампании 1929 г. Радек вернулся «в обойму». В середине 1930-х гг. он уже не принадлежал к партийно-государственной элите в строгом смысле слова, поскольку троцкистское прошлое исключало его из «ближнего круга» Сталина, однако сохранял близость к властным кругам. Соответственно, поскольку Сталин получал информацию в том числе из рук тех, кому давал поручения по отдельным направлениям деятельности, Радек в этот момент оказывал некоторое воздействие на формирование оценок в том числе и первого лица в советской системе.

Так, 2 февраля 1936 г. Радек обратился с письмом к И.В. Сталину, в котором советовал отложить сессию АН СССР по вопросам истории, намечавшуюся на конец февраля. В письме Радек четко поделил академию наук на два лагеря: «наших товарищей» и «буржуазных историков», причем последние имели заметный перевес над первыми. Именно в это время происходил непростой процесс слияния двух академий: государство присоединяло Коммунистическую академию к АН СССР [Метель, 2019], и Радек докладывал Сталину о том, что уровень подготовки кадров Комакадемии значительно уступал «буржуазным историкам». По его рекомендации было решено перенести сессию АН СССР по вопросам истории на конец июня, а фактически она состоялась в июле 1936 г. [Есаков, 2000, с. 226]. Очевидно, что, так как Радек поднял вопрос о проведении сессии АН СССР, и он же давал предварительную оценку сложившегося положения дел, то именно он был делегирован в Академию наук решать вопросы по формированию правильной марксистской трактовки понимания исторических процессов. С другой стороны, следует помнить, что научная сфера относилась тогда прежде всего к ответственности Н.И. Бухарина (к слову, действительного члена АН СССР), а Радеку это поручение было дано *ad hoc*.

Радек находился в положении лица, с одной стороны, облеченного известной властью при общении с нижестоящими, а с другой, живущего под дамокловым мечом и боявшегося совершить ошибку. Поэтому нельзя исключить того, что ориентация Радека на подчеркнутое отстаивание «чистоты» марксистской теории могла подпитываться осознанием слабости собственных политических позиций и стремлением их усилить во избежание надвигавшейся расправы.

Солидаризировавшийся с Радеком председатель ГАИМК Ф.В. Кипарисов (1886–1936) также уже побывал под огнем партийной критики. И хотя вероятно, что лишь годом ранее он сыграл определенную роль в выдвижении в академики Струве [Формозов, 2006, с. 245–246], теперь он, как опытный аппаратчик, «говорил лишь то, что ему было предписано» [Платонова, 2013, с. 20]. Его карьера оборвется практически в одно время с Радеком: осенью 1936 г. Кипарисов был арестован и вскоре расстрелян.

Неустойчивым было и положение представителей Академии наук СССР. Несмотря на близость к В.И. Ленину в дооктябрьский период, А.М. Деборин (1881–1963) вступил в ВКП(б) только в 1928 г., а в начале 1930-х гг. оказался в опале, лишившись постов ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма» в 1930 г. и поста директора Института философии. Обвинения в отрицании им ленинизма [Рокитянский, 1991, с. 148] исходили от президиума Коммунистической академии. Хотя с 1935 по 1942 гг. Деборин возглавлял Отделение общественных наук АН СССР, направленное против него постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале “Под знаменем марксизма”» так и не было отменено.

В таких условиях, Деборин скорее поддержал критику Струве, хотя и допускал некие оговорки (уточняя, что позиция Струве «колеблется») и старался повернуть разговор к решению не идеологической, а прагматической задачи (написание обобщающих трудов). Более определенно высказался академик В.П. Волгин, незадолго до дискуссии, в конце ноября 1935 г., лишившийся поста постоянного секретаря АН СССР: апеллируя к непрерывности развития научного знания, он доказывал Радеку неизбежность эволюции взглядов на те или иные вопросы даже с точки зрения правоверного марксизма.

Конечно, Деборин и Волгин оказывали натиск Радека весьма умеренное сопротивление, которое только отчасти можно сравнить с позицией академика С.И. Вавилова, отважившегося возражать Сталину и Берия по вопросам свободы дискуссии в науке во второй половине 1940-х гг. [Ананьев, Бухарин, 2019, с. 153–163; Bukharin, Karyuk, 2020, p. 278–296].

ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЫВОДЫ

Как можно было видеть, в обсуждении того, насколько Струве марксист, столкнулись две позиции: жесткая и компромиссная. Первую проводил Радек, которого так или иначе поддерживали Кипарисов и Деборин. Волгин же сформулировал – весьма откровенно для тех лет – прагматический подход: не стоит упрекать историков в недостаточном знании марксизма, так как само содержание этого знания может измениться менее чем через десятилетие. По сути, Волгин предлагал смириться с марксизацией фактологического материала, какой бы поверхностной она ни казалась ортодоксам, и двигаться дальше в деле создания исторических трудов. Сложно сказать, чувствовали ли участники диалога от академиков шаткость политических позиций Радека и сознавали ли то, что его оценки не следует воспринимать как непререкаемую волю высшего руководства, но факт заключается в том, что они находили возможным вступать по этим вопросам в дискуссию. В конце концов, тесно общаясь с представителями партийной элиты в течение ряда лет, на которые

пришлась мощная волна «чисток» и других неприглядных проявлений внутривнутрипартийной конкуренции, советские академики ко второй половине 1930-х гг. вполне могли догадываться, что их визави чаще всего пытаются лишь ретранслировать довольно расплывчатые «установки» по вопросам науки, данные Сталиным, но при этом вынуждены трактовать их в меру своего понимания.

Соответственно, на примере приведенного разговора понятно, в каком виде начинала складываться неустойчивая полуавтономия советской науки (не только исторической). Мысль о том, что «других историков у меня для вас нет» уже понятна всем участникам, но у Радека она вызывает недовольство и готовность найти каким-то образом лучшие кандидатуры, Кипарисов готов притормозить карьеру Струве, чтобы дать тому возможность эволюционировать как марксисту, а Волгин и Иоселиани возражают, что в таком случае Академия просто не сможет выполнить планы своей научной работы. Деборин же старается балансировать между внешним давлением на Академию наук и объективными обстоятельствами (поверхностной марксистизацией «буржуазных специалистов»).

Дискуссия в Отделении общественных наук АН СССР июля 1936 г. показывает, что для многих участников процесса – включая, казалось бы, самых в него вовлеченных – еще не были вполне понятны конкретные очертания происходивших перемен. Радек продолжает ориентироваться на бывшее актуальным в 1920-е гг. сосуществование большевистского теоретического нарратива и фактологических работ «старых ученых»: он дает понять, что не против издания трудов Струве в принципе, но против того, чтобы считать новоявленного академика безоговорочно советским. Однако стиль полемики (научной и политической) середины 1930-х гг. такой терпимости уже не предполагал: «неправильные» взгляды легко могли квалифицироваться как вредительские, а от этого оставалось менее шага до карьерного и жизненного краха их авторов.

При этом совершенно неверным будет полагать, будто работы Струве середины 1930-х гг. ничем не отличались от его же трудов предыдущего десятилетия: он уже вполне явно обозначал и через цитирование, и через другие формы отсылок соотносительность своей концепции исключительно с теорией Маркса. Ввиду краткости заявлений и Радека, и Деборина, сложно сказать, какие именно характеристики трудов Струве заставляли считать их немарксистскими, но из контекста высказываний понятно, насколько поверхностным было их знакомство с самим вопросом: фактология повествования оставалась им неинтересной, при этом они были склонны приписывать Струве ответственность и за коллективно создаваемый учебник для школ (напомним, что общее редактирование осуществлял сначала А.С. Сванидзе [о его роли см.: Карпук, 2017, с. 769–777], позже А.В. Мишулин), и за переиздание труда Тураева. Можно предположить, что в стиле тех лет они могли требовать большей «боевитости» высказываний – но работы, которые последовательно реализовывали такой подход, обычно выходили за пределы даже советского понимания научного исторического труда.

Так или иначе, судя по дальнейшему ходу дел, Радек ошибался, и Сталина вполне устраивала поверхностная марксистизация историков, получивших еще дореволюционное образование. Данное совещание явило собой одну из точек «сборки» советской исторической науки, после которой та окончательно стала историографией сталинского образца: периодически сотрясаемой разного рода кампаниями, но опирающейся на представление о когорте истинно советских ученых. Конечно, гарантий пребывания в этой когорте не было ни у кого, но Струве адекватно реагировал на сомнения в его теоретической чистоте: когда на политическом горизонте уже не осталось ни Радека, ни Кипарисова, он сделал доклад, в котором обосновывал правильность своей позиции анализом Маркса [Струве, 1940, с. 5–22; см. также Крих, 2012, 153–170], а позднее фактически возглавил ленинградское востоковедение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. К истории введения научной цензуры в СССР (письмо С.И. Вавилова И.В. Сталину из фондов АРАН). *Вестник архивиста*. 2019. № 1. С. 153–163 [Ananiev V.G., Bukharin V.D. Revisiting the History of Introduction of Scientific Censorship in the USSR: Letter of S. I. Vavilov to J. V. Stalin from the Fonds of the Archive of the Russian Academy of Sciences. *Herald of an Archivist*. 2019. No. 1. Pp. 153–163 (in Russian)].

Большаков А.О. Василий Васильевич Струве (1889–1965). *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 2. *Всеобщая история*. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 41–52 [Bolshakov A.O. Vasili Vasilyevich Struve (1889–1965). *Portraits of Historians. Time and Destinies*. Vol. 2. *World History*. Moscow, Jerusalem: Universitetskaia kniga, 2000. Pp. 41–52 (in Russian)].

Бухарин М.Д. Василий Струве и сложение категориального аппарата советской исторической науки. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия История*. 2019. Т. 64. № 4. С. 1440–1458 [Bukharin M.D. Vasily Struve and Formation of Categories of Soviet Historical Science. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64. 2019. No. 4. Pp. 1440–1458 (in Russian)].

Дубровский А.М. *Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.)*. Москва: Политическая энциклопедия, 2017 [Dubrovsky A.M. *Power and Historical Thought in the USSR (1930–1950-ies)*. Moscow: Politicheskaya Encyclopedia, 2017 (in Russian)].

Емельянов В.В. В.В. Струве как историк месопотамской религии. *Религиоведение*. 2016. № 3. С. 136–151; № 4. С. 111–120 [Emelianov V.V. V.V. Struve as a Historian of Mesopotamian Religion. *Religiovedenie (Study of Religion)*. 2016. No. 3. Pp. 136–151; No. 4. Pp. 111–120 (in Russian)].

Есаков В.Д. (ред.) *Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). 1922–1952*. Москва: Росспэн, 2000 [Esakov V.D. (ed.) *Academy of Sciences in Decisions of Politbureau of Central Committee of RKP (b) – VKP (b). 1922–1952*. Moscow: Posspen, 2000 (in Russian)].

Карпюк С.Г. «Вестник древней истории»: начало. *Вестник древней истории*. 2017. Т. 77. № 3. С. 769–777 [Karyuk S.G. Vestnik Drevney Istorii: the Beginning. *Journal of Ancient History*. Vol. 77. 2017. No. 3. Pp. 769–777 (in Russian)].

Ковалев С.И. (ред.) *История древнего мира: в 2 т. Т. 1. Древний Восток*. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937 [Kovalev S.I. (ed.) *History of Ancient World. In 2 vols. Vol. I: Ancient Orient*. Moscow: Gosudarstvennoe socialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1937 (in Russian)].

Крих С.Б. Автоисториография советского учёного: письмо В.В. Струве в редакцию ВДИ. *Вестник древней истории*. Том 77. 2017. № 3. С. 778–795 [Krikh S.B. Autohistoriography of the Soviet Scholar: V.V. Struve's Letter to the Editor of VDI. *Journal of Ancient History*. Vol. 77. 2017. No. 3. Pp. 778–795 (in Russian)].

Крих С.Б. Как не написать главный труд всей жизни: случай академика В.В. Струве. *Мир историка. Историографический сборник*. Вып. 10. 2015. С. 241–273 [Krikh S.B. How not to Write the Main Work of Own Life: the Case of Academician V.V. Struve. *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik (=The World of Historian. Historiographical Collection)*. Vol. 10. 2015. Pp. 241–273 (in Russian)].

Крих С.Б. Струве и марризм. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2016. № 2 (4). С. 46–72 [Krikh S.B. Struve and Marrism. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2016. No. 2 (4). Pp. 46–72 (in Russian)].

Крих С.Б. Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке. *Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность*. Омск: Издательство Омского Государственного Университета, 2012. С. 153–170 [Krikh S.B. V.V. Struve's Theoretical Rationale for the Concept of Slave Societies in the Ancient Orient. *Sozialnye instituty v istorii: retrospektiia i real'nost'* (=Social Institutions in History: Retrospection and Reality). Omsk: Omsk State University, 2012. Pp. 153–170 (in Russian)].

Ладынин И.А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В.В. Струве 1910-х – начала 1930-х гг. *Диалог со временем*. Вып. 69. 2019. С. 251–267 [Ladynin I.A. The Concept of Feudalism at Ancient Orient and the Works by V.V. Struve of 1910 – Early 1930s. *Dialogue with Time*. Vol. 69. 2019. Pp. 251–267 (in Russian)].

Ладынин И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была “советская древность”? *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2016. № 2 (4). С. 9–32 [Ladynin I.A. Features of the Landscape (How Marxist was the “Soviet Antiquity”? *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2016. No. 2 (4). Pp. 9–32 (in Russian)]].

Лурье И.М. [Прения по докладу В.В. Струве]. *Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры*. Вып. 77. 1934. С. 112–123 [Luria I.M. Debate on the Report of V.V. Struve. *Izvestia Gosudarstvennoi Akademii Istorii Materialnoi Kultury* (=Proceedings of the State Academy of Material Culture). Vol. 77. 1934. Pp. 112–123 (in Russian)].

Малюгин О.И. От большевистского Иловайского до учебника без авторов: из истории создания школьного учебника по древней истории в 1930-х годах. *Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 6. 2017. С. 406–420 [Malyugin O.I. From the Bolshevik Ilovaysky to the Textbook without Authors: from the History of Creating a School Textbook on Ancient History in the 1930s. *Scripta Antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*. Vol. 6. 2016. Pp. 406–420 (in Russian)].

Метель О.В. «Лаборатория марксистской мысли»: историческая наука в Коммунистической академии (1918–1936 гг.). Омск: Издательство Омского Государственного Университета, 2019 [Metel O.V. “Laboratory of Marxist Thought”: Historical Science at the Communist Academy (1918–1936). Омск: Omsk State University, 2019 (in Russian)].

Никольский Н.М. *История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир: учебник для средней школы, 5-й год обучения*. М.: Гос. учебно-пед. изд-во, 1933 [Nikolsky N.M. *History. Pre-class Society. Ancient East. Ancient World: Textbook for Secondary School, 5th Year of Study*. Moscow: Gos. Uch-Ped. Izd-vo, 1933 (in Russian)].

Никольский Н.М. К какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока? *История в средней школе*. 1934(1). № 2. С. 3–11 [Nikolsky N.M. What Social and Economic Formation Does the Society of the Ancient East Belong to? *Istoria v srednei shkole* (=History in Secondary School). 1934(1). No. 2. P. 3–11 (in Russian)].

Никольский Н.М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке (по поводу статьи В.В. Струве «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура»), С.Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности 1882–1932 гг. Сборник статей. Л.: Изд. АН СССР, 1934 г. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1934(2). № 7–8. С. 207–210 [Nikolsky N.M. To the Question of Slavery in the Ancient Orient (about the Article of V.V. Struve “Slave Latifundia in Sumir of the III dynasty of Ur”, S.F. Oldenburg. To the 50th Anniversary of Scientific and Social Activity: 1882–1932. Collection of Articles, L.: Izd. Academy of Sciences of the USSR, 1934). *Problemy Istorii Dokapitalisticheskikh Obshchestv* (=Problems of the History of Pre-Capitalist Societies). 1934. No. 7–8. P. 207–210 (in Russian)].

Платонова Н.И. Фёдор Васильевич Кипарисов. *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)*. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. С. 19–23 [Platonova N.I. Fyodor Vasil’evich Kiparisov. *Academic Archaeology on the Banks of Neva (RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014)*. SPb.: Dmitri Bulanin, 2013. Pp. 19–23 (in Russian)].

Рокитянский Я.Г. Неукротимый академик (новые архивные материалы о Д. Б. Рязанове). *Вестник АН СССР*. 1991. № 7. С. 133–151 [Rokityansky Y.G. Indomitable Academician (New Archival Materials about D.B. Ryazanov). *Vestnik AN SSSR* (=Journal of the Soviet Academy of Sciences). 1991. No. 7. Pp. 133–151] (in Russian)

Струве В.В. *Египет. Древняя история (до арабского завоевания)*. Большая Советская энциклопедия. Т. 24. 1934(1). Ст. 356–371 [Struve V.V. *Egypt. Ancient History (before the Arab Conquest)*. Great Soviet Encyclopedia Vol. 24. 1934(1). Col. 356–371 (in Russian)].

Струве В.В. Ещё раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (Ответ Н.М. Никольскому). *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1934(2). № 7–8. С. 211–222 [Struve V.V. Once again on the Slave-Ownning Latifundia of Sumir of the III Ur Dynasty (Answer to

N.M. Nikolsky). *Problemy Istorii Dokapitalisticheskikh Obshchestv* (=Problems of the History of Pre-Capitalist Societies). 1934(2). No. 7–8. Pp. 211–222 (in Russian)].

Струве В.В. *История древнего Востока. Краткий курс*. М.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1934(3) [Struve V.V. *History of the Ancient Orient. Brief Course*. Moscow: OGIZ; SOCIOEKGIZ, 1934(3) (in Russian)].

Струве В.В. *Очерки социально-экономической истории древнего Востока*. М.; Л.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1934(4) [Struve V.V. *Essays on the Socio-Economic History of the Ancient Orient*. Moscow, Leningrad: OGIZ, SOCIOEKGIZ, 1934(4) (in Russian)].

Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. *Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры*. Вып. 77. 1934(5). С. 32–111 [Struve V.V. The Problem of the Birth, Development and Decomposition of Slave-Ownning Societies of the Ancient Orient. *Izvestia Gosudarstvennoi Akdemii Istorii Materialnoi Kultury* (=Proceedings of the State Academy of Material Culture). Vol. 77. 1934(5). Pp. 32–111. (in Russian)].

Струве В.В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н.э.). *Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: сборник статей*. Л., 1934(6). С. 495–507 [Struve V.V. Slave Latifundia in Sumir of the 3rd dynasty of Ur. *S.F. Oldenburg. To the 50th Anniversary of Scientific and Social Activity: 1882–1932. Collection of Articles*. Leningrad: Izd. Akademii nauk SSSR, 1934(6). Pp. 495–507 (in Russian)].

Струве В.В. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н.э.). *Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344*. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. С. 3–38 [Struve V.V. The Social Turnover in Egypt at the End of the Middle Kingdom (circa 1750 BC). *The Expression of Ipuver. Leiden Papyrus No. 344*. Moscow; Leningrad: SOCIOEKGIZ, 1935. Pp. 3–38 (in Russian)].

Струве В.В. Марксово определение раннеклассового общества. *Советская этнография*. Т. 3. 1940. С. 5–22 [Struve V.V. Marx's Definition of the Early-Class Society. *Sovetskaia etnografiia* (=Soviet Ethnography). Vol. 3. 1940. Pp. 5–22 (in Russian)].

Струве В.В. *История древнего Востока*. Л.: ОГИЗ, ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941 [Struve V.V. *History of the Ancient Orient*. L.: OGIZ; GOSPOLITIZDAT, 1941 (in Russian)].

Тураев Б.А. *История древнего Востока*. Тт. 1–2. Л.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1935; 1936 [Turaev B.A. *History of Ancient Orient*. Vols. 1–2. Leningrad: OGIZ, SOTSEKGIZ, 1935; 1936 (in Russian)].

Формозов А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки*. М.: Знак, 2006 [Formozov A.A. *Russian Archaeologists in the Time of Totalitarianism. Historiographical Sketches*. Moscow: Znak, 2006 (in Russian)].

Bukharin M.D., Karpyuk S.G. Academy of Sciences of the USSR in the Late-Stalin Period. *Vestnik of Saint Petersburg University: History*. 2020. No. 1. Pp. 278–296.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БУХАРИН Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН, Москва, Россия.

Michael D. BUKHARIN, DSc (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КРИХ Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.

Sergey B. KRIKH, DSc (History), Prof. of the Department of World History, Omsk State Dostoevsky University, Omsk, Russia.